

Изъ кокшеньгскихъ *) преданій

I. О Чуди.

Между многочисленными и довольно разнообразными преданіями Кокшеньги одно изъ первыхъ мѣсть по своей распространенности занимаютъ преданія о чуди. Имя чуди живетъ въ Кокшеньгѣ можно сказать повсемѣстно, въ каждой деревушкѣ, въ каждомъ поселкѣ. Далеко, однако, не вездѣ за этимъ именемъ стоитъ опредѣленное представленіе о чудскомъ племени; иногда слово чуди употребляется просто какъ бранное слово; но, судя по тому, въ какихъ случаяхъ и какими признаками вызывается это прозвище, можно догадываться, что, при всей неопредѣленности, характеръ содержанія этого слова въ прозвищѣ человѣка всегда одинъ и тотъ же: странный, невзрачный, иногда сильно обросшій волосами, иногда съ бѣлыми глазами, нѣсколько дикій.

На ряду съ прозвищемъ «чудь» примѣняемымъ къ отдѣльнымъ лицамъ, для обозначенія чаще всего только виѣшняго впечатлѣнія отъ человѣка, существуетъ для жителей нѣкоторыхъ деревень кличка «чудь» присвоенная, стало быть, большей или меньшей группѣ (фамиліи, роду или «природѣ» какъ говорятъ кокшары) населенія, иногда цѣлой деревни, иногда нѣсколькихъ деревень. Причемъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ эта кличка удерживается, въ большинствѣ случаевъ представляются весьма неопредѣленными. Такъ, на примѣръ, почему, положимъ, жителей деревни Подгорной или Игунинской (Спасекаго—Нижняго общества), носящихъ фамилію Батоговыхъ, а также Батоговыхъ близъ лежащихъ деревень Ильинской и Скребихи называютъ чудью?—на этотъ вопросъ мнѣ приходилась выслушивать такого рода пространные и мало что выясняющіе отвѣты: «Почему *) чудь-та?.. Да такъ говорятъ; природа ихъ чудская. Вишь онѣ (sic) какіе: не праздника, не воскресенья не знаютъ, все на работѣ, либо въ лѣсу; не одинъ человѣкъ въ церквѣ не бываѣ, стоесъ (даже) нехто исусовы молитвы не знаѣтъ, а не толи що тамъ

*) Кокшеньга-мѣстность, въ бассейнѣ рѣки того же названія, тотемскаго уѣзда Волог. губ. Начертаніе сл. Кокшеньга согласно съ мѣстнымъ произношеніемъ.

*) Чистыхъ звуковъ ч и ц въ говорѣ нѣтъ; а оба они произносятся или приближаясь къ ч $\left(\frac{ч}{ц}\right)$ или ц $\left(\frac{ч}{ц}\right)$ или между ч и ц $\left(\frac{ч}{ц}\right)$ (См. мое описаніе кокшеньгскаго говора)

Здѣсь я обозначаю $\frac{ч}{ц}$ через ч и $\frac{ч}{ц}$ ц

грамотѣ знать, ли жо книгу почитать... А рѣбятѣ и нѣтъ нечево: все прахомъ идетъ... Извѣстно,—чудь.» Такого рода неясныя указанія на финское происхожденіе, въ видѣ постоянной клички, существуютъ и въ другихъ мѣстахъ Кокшениги, причемъ на ряду съ кличкою чудь держатся и такія, какъ мордва (дер. Наумовская, Спасской вол.), зырь или зыряна и корела (дер. 1-я Корелинская или Боярская и 2-я Корелинская или Володино, Пощаго общ. Спасской вол.). Одинъ изъ жителей деревни 1-й Корелинской увѣряетъ что существуетъ преданіе о томъ, что жители обѣихъ Корелинскихъ деревень—подлинныя корелы, а въ подтвержденіе справедливости этого преданія приводитъ и названія этихъ деревень, и указанія на нѣкоторыя отличительныя особенности жителей, а именно: свѣтлорусый цвѣтъ волосъ, честность и вмѣстѣ съ тѣмъ злопамятство, сравнительно слабое развитіе умственныхъ способностей; жители этихъ деревень носятъ одну фамилію Девятовскихъ, не встрѣчающуюся больше во всей Кокшенигѣ, за исключеніемъ одного уголка въ другомъ обществѣ, гдѣ нѣсколько домовъ Девятовскихъ произошли, какъ думаютъ, отъ пріемыша изъ которой нибудь Корелинской деревни.

На ряду съ приведенными указаніями на финское происхожденіе жителей нѣкоторыхъ уголковъ Кокшениги, живутъ здѣсь въ народѣ преданія, пріуроченныя къ мѣстамъ, въ которыхъ находятъ слѣды старины, подтверждающей эти преданія. Въ числѣ такихъ мѣсть очень часто фигурируетъ Никольское городище въ Спасской волости, съ которымъ связывается не одинъ рядъ преданій, иногда тѣсно перекладающихся одно съ другимъ. Разсказывается, наиримѣрь, какъ здѣсь «наши» защищались отъ «нановъ» (польско-литовская шайка смутнаго времени), какъ шайка ихъ долгое время наводила здѣсь ужасъ и какъ и—какъ удалось избавиться отъ нихъ при помощи чуда: святитель Николай навелъ на «нановъ» слѣпоту, и показалось имъ, что идутъ они по мосту, а святой завелъ ихъ въ озеро (подъ самымъ обрывомъ городища); тутъ все они и погибли, около сорока человекъ. Съ преданіемъ о «нашахъ» здѣсь тѣсно связано другое,—о чудѣ. Обыкновенно при этомъ разсказчикъ, не замѣчая того самъ, переходитъ отъ «нановъ» къ чудѣ, впадая въ любопытное противорѣчіе: говоря о томъ, какъ «наши» защищались съ городища, добавляетъ, что и стрѣлы-то онѣ (они), видно, хорошо, даромъ що не изъ оружей,—луки у ихъ бѣли и стрѣлы... дакъ вотъ эти стрѣлы долетали до зыковскаго поля (Зыковская—назв. деревни, напротивъ Никольскаго городища черезъ р. Кокшенигу). Разъ въ этомъ полѣ сноповъ конопля (біс) паниче на угородѣ нависли; а она, чудь-та, и давай оттудѣ палить въ конопля-то:—думать що нашъ народъ выстушу». Изъ преданія слѣдуетъ, что Никольское городище, на которомъ защищались «наши» отъ польско-литовскихъ шаекъ, раньше того служило когда-то оплотомъ чудѣ противъ «нашихъ».

Отголоски борьбы «нашихъ» съ чудью сохранились въ преданіяхъ во многихъ приходахъ. Изъ нихъ видно, что заключительный актъ

этой драмы разыгрывался подь сильнымъ вліяніемъ религіозныхъ мотивовъ. Занятіе мѣсть новыми поселенцами (славянами) сопровождалось, какъ и въ другихъ областяхъ расселенія, проповѣдью крещенія среди иногородцевъ—аборигеновъ. Уступка послѣдними земель, въ виду ихъ большого изобилія, очевидно, еще не вызывала необходимости крайнихъ мѣръ борьбы; зато нежеланіе измѣнить своимъ прежнимъ вѣрованіямъ и обычаямъ вынуждало на отчаянную рѣшимость. До чего доходила эта рѣшимость, видно изъ преданій о чуди Верховскаго и Озерецкаго приходовъ. Не дальше, какъ въ концѣ истекшаго лѣта, пришлось мнѣ, между прочимъ, бесѣдовать съ однимъ изъ старожиловъ Верховскаго общества *), крестьяниномъ В. С. А., который отъ своего дѣда слышалъ много рассказовъ о Кокшенгской старинѣ, о чуди и проч.

— Такъ слышалъ ты, В. С., о чуди-то? спрашиваю я.

— Слыха-ау, какъ не слыхать! Още отъ покойново дѣдушка: онъ доуго жиу-то, дакъ знау это какъ... и родители-те у ёво тожо по доугу жили... Дакъ, это вѣрно,—жила, бутто бы, раньше эта чудь-та... вонъ на томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ Подкусть, слыхау-ли ты ли нѣтъ-ли,—деревня такая, Игнатовская ишнитсе-го... Подкустовцовъ то и топере у насъ все чудаками зовутъ.

— Чудаками, а не чудью?

— Нѣтъ, не чудью, да вѣдь онѣ (они) тожо наши доужно быть, а только, значить, живутъ-то, гдѣ чудь жила; дакъ вотъ: «чудаки да чудаки».

— А чуди-то такъ и не осталось?

— Да гдѣ остатъсе то, вишь погибла она вся, до едного чоловіка.

— Какъ же погибла-то?

— А креститьсе вишь не захотѣла; наши-те заставлели, видно, креститьсе то, дакъ она ужъ задумала лучше погнучь, а не крестилася. Сробили, значить, эта чудь-то, такую крышу изъ тѣсу на чотырехъ стоубахъ, земли на верхъ-отъ наносили; собралнсь всѣ подь эту крышу-ту да стоубы-те взяли да подникли (подрубили), тутъ всѣхъ ихъ и задавило; сорокъ чоловікъ всѣхъ-то, говорятъ, было.

— Ничего не находятъ послѣ нихъ?

— Да хто-жь іе знаётъ, можотъ що и находили... Не давно вотъ, годовъ съ пятокъ какой назадъ тому, ограду у часовни (въ деревнѣ-то часовня есть) рѣбили, дакъ нашли, выкопали, ухватъ да клюку да горшокъ, тоуда жо, надо быть, и продали А. Д. (кр. дер. Д., торгующій «старьёмъ»), а тотъ куды-то въ Москву, въ музею свезъ.

Мнѣ припомнилось здѣсь упоминаніе объ этой подкустовской часовнѣ, тоже въ связи съ преданіемъ о чуди, въ «Вологодкой Старинѣ» (составл. И. К. Степановскимъ въ 1890 г.), гдѣ говорится,

*) Границы приходовъ и сельск. обществъ почти всегда совпадаютъ; въ мѣстномъ говорѣ слово приходъ (и понятіе) замѣняется чаще словомъ волость.

что «обитатели этой деревни (Подкусть) считаются даже потомками чуди; при деревнѣ существуетъ часовня, построенная въ 1734 г., около которой встрѣчаются иногда человѣческія кости». Эти указанія «Вологодской Старины», въ общемъ согласныя съ вышеприведеннымъ мѣстнымъ преданіемъ, отличаются отъ него, какъ это видно изъ сравненія, тѣмъ, что по нимъ жители дер. Подкуста считаются потомками чуди, а по мѣстному преданію—нѣтъ. Очевидно, «Вол. Ст.» пользовалась преданіемъ изъ другого источника. Жители Подкуста, въ дѣйствительности, не отличаются отъ прочихъ кокшаровъ ни по внѣшности, ни по характеру.

На мой вопросъ—давно-ли жила чудь, В. С. Отвѣчалъ: «Давно, какъ не давно! это оцѣ задоуго до тово, какъ Босурманъ-отъ жпу на Чигунихѣ (назв. деревни): быу, значитъ, такой богáтой чоловѣкъ. прѣбхау онъ изъ Пова-города и жпу вотъ на Чигунихѣ-то; а на Гу-сихѣ (назв. деревни) тоуда жо Окуу (Окуль), тоже видно оттуль жо. поселнусе... Дакъ вотъ онъ (Босурманъ) быу сколь не богáтъ то: на семнадцеть церквей большіе колокола завеу, на всѣ приходы въ Кокшеньгѣ-то... дакъ это дауно было ужъ... У насъ на церквѣ бульшое-то колоколо имъ жо было заведенѣ,—годовъ надо быть ужъ чотыреста назадъ тому есть».

Преданія о чуди Озерецкаго прихода въ общемъ довольно сходны съ верховскими, но имѣютъ и свои любопытныя особенности. Какъ мѣсто обитанія для чуди, чаще всего указывается деревня Ричка (рѣчка). Люди, хорошо знающіе эту деревню (мнѣ лично не удалось побывать здѣсь) увѣряютъ, что въ ней есть нѣсколько семействъ, отличающихся и характеромъ и внѣшнимъ обликомъ отъ типичныхъ кокшаровъ; эти семьи, родственныя между собою, носятъ одну фамилію Ч-ныхъ и считаются потомками чуди; сосѣди ихъ и окрестные жители называютъ ихъ прямо чудью, и сами Ч-ны, повидимому, такую кличку не считаютъ обидною, а принимаютъ какъ родовое прозвище по происхожденію. Отличіе характера Ч-ныхъ заключается, по мнѣнію многихъ, главнымъ образомъ въ томъ, что «наши любятъ все напрямикъ: если что, то и разругаются, а выньютъ—и подерутсе; задѣу хто, дакъ сейчасъ и здачи жди, а прошло то времѣ—и все забылось;—а тѣ, чудь-та, не таковы: обидь ёво, дакъ ужъ онъ тибѣ не забудѣтъ! сразу, можетъ быть, и не посміеть, а потомъ исподтишка все тибѣ выведѣтъ»... При злопамятствѣ отличаются выдержкой и въ злопамятствѣ отличаются выдержкой и честностью. Среди Ч-ныхъ почти нѣтъ людей высокаго роста, скорѣе всѣ—средняго, съ лицомъ нѣсколько болѣе смуглымъ; чѣмъ у другихъ кокшаровъ.

По слухамъ, въ одномъ изъ семействъ Ч-ныхъ хранятся остатки древняго (чудскаго?) оружія: одна или двѣ стрѣлы, кошь, а быть можетъ и еще что-нибудь; а Е. Ч-нъ рассказывалъ, что недавно у него было тяжелое старинное желѣзное кошье, которое онъ перековалъ на предметы домашняго обихода. Полагаютъ, что такого рода вещи находились или около или въ самыхъ «чудскихъ ямахъ»,

каковыя находятся вблизи этой деревни Рички. Въ ямахъ находятъ человѣческія кости. Происхожденіе «чудскихъ ямъ» объясняютъ такимъ образомъ, что чудь, не желая подчиниться и принять «нашу» вѣру (христіанство) собиралась семействами, иногда по нѣскольکو семействъ, выкапывала въ землѣ довольно просторную и глубокую яму, надъ которой въ уровень съ поверхностью земли настилался потолокъ, поддерживаемый извнутри столбами; на потолокъ наносилась земля; и, подобно тому, какъ оно было по верховскому преданію, подрубались затѣмъ столбы, рушился потолокъ и погребаль здѣсь всѣхъ.

«Ужели ужъ такъ боелись онѣ нашей то вѣры»? спрашиваетъ Е. Ч-на, сообщившій это преданіе (крестьянинъ Вл. М. П-ъ).

— «Да боелись-то вишь ли крещенья, а крещеньё-то, имъ говорили, що это—вотъ що: отрубятъ сперва руку, ну хоть правую, а потомъ—ногу, лѣвую, а тутъ, значить,—другую руку и другую ногу—вотъ онѣ крестъ-отъ какой выходиш! Тутъ поневолѣ за-боишьсе!»

Не носитъ-ли эта послѣдняя весьма интересная подробность слѣдовъ болѣе поздняго происхожденія, по сравненію съ остальной частью преданія, возникнувъ, положимъ, какъ одна изъ попытокъ объясненія не совсѣмъ понятной впоследствии рѣшимости на такую суровую самоказнь,—разобраться въ этомъ весьма трудно, а прямыхъ указаній на это пока вовсе не имѣется.

Чудскія ямы встрѣчаются еще въ Шебенгскомъ и, вѣроятно, въ другихъ приходахъ Кокшенъги. Но отъ собственно чудскихъ ямъ отличаютъ еще другія, тоже носящія слѣды жилья, и однако имѣющія совсѣмъ другое происхожденіе; это—или разбойничьи пристанища или жилища разнаго рода бѣглецовъ, которые нерѣдко находили себѣ приютъ въ Кокшенъгѣ даже до самаго послѣдняго времени.

Разказы о поселеніяхъ бѣглецовъ, ихъ взаимно-отношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ, разбойничьихъ шайкахъ, «панахъ», и под. могутъ составить не безынтересный предметъ особаго сообщенія.

С.-ИВ. 21 Октября 1894 года.

М. Едемскій.

ИЗЪ КОКШЕНЬСКИХЪ ПРЕДАЦІЙ¹⁾.

II. Чудь, литва, пань.

Кромѣ приведенныхъ мною преданій о чуди преимущественно Верховскаго, Озерскаго и Спасскаго приходоѡ, и старался уловить все, что говорилось о ней и въ другихъ приходахъ Кокшеньги. Болѣе или менѣе цѣльныхъ и связанныхъ разсказовъ записать не удалось, такъ какъ ихъ уже въ настоящее время, быть можетъ, и нѣтъ, можетъ также быть, что просто не пришлось натолкнуться на хорошаго разсказчика, а тѣ, иногда весьма почтенные и умные старицы, съ которыми удавалось побесѣдовать объ этомъ, старались передавать слышанное ими чаще только въ общихъ фразахъ.

Приходилось наталкиваться на рѣшительныя опроверженія одними того, что разсказывалось въ данной мѣстности другими.

Такъ, наприимѣръ, по совѣту нѣкоторыхъ изъ крестьянъ въ Озерскомъ приходѣ я обратился къ 74-лѣтнему старику изъ деревни Часовенскѣй Семену Одинцову, какъ несомнѣнно знающему старицу, и онъ говоритъ, что ничего здѣсь не слышно ни о чуди, ни о литвѣ, ни о паняхъ, а если что и говорятъ, такъ врутъ все. Онъ отрицаетъ чудское происхожденіе ямъ у деревни Рички, объясняя простымъ недоразумѣніемъ разсказъ о томъ, что будто-бы здѣсь чуди погибла. „Живъ“, говоритъ Одинцовъ, „здѣсь на Пустошѣ (назвавіе деревни), лѣтъ 60 тому назадъ билгленъ, Петрушка-Пантюшка звали, писау книги, сны Богородицы, списки... А бѣжау-то онъ чуть-ли не изъ военной службы. Дакъ когда стали ловить его, то онъ какъ-то туда, у Рички-то, въ яму и заскочиу; а яма-та была, надо быть, погребная... Про это, навѣрно, и врутъ кое-що“.

Между тѣмъ, приведенное раньше преданіе о чуди все-таки держится и разсказывается другими здѣшними старожилами. Слѣдуетъ упомянуть, что С. К. Одинцовъ воспитывался когда-то „мальчикомъ“ въ удѣльной сельско-хозяйственной школѣ въ С.-Петербургѣ.

Въ Шебенскомъ приходѣ крестьянцѣ деревни Югры Ив. Ѳ. Ждановъ, мужикъ довольно развитой и хорошо осѣдомленный, охотно дѣлился своими свѣдѣніями о старинѣ. Отъ него я узналъ, что здѣсь бывали, будто бы, литва и пань, но подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о нихъ не слыхать. Что касается чуди, то въ той же деревнѣ

¹⁾ См. „Жив. Старина“, 1905 г., вып. I и II.

Югрѣ были указаны ивъ 6 домовъ, жителей которыхъ „покликають чудью“. Можно ли думать, что они принадлежатъ къ потомкамъ чуди, объ этомъ, по словамъ Ж—ова, трудно сказать что-нибудь определенное, тѣмъ болѣе, что по вѣщности они не отличаются отъ остальныхъ жителей Югры. Однако, несомнѣнно, что дома эти, построенные на самомъ лучшемъ мѣстѣ, у берега рѣчки, являются наиболее ранними въ деревнѣ Югрѣ.

Въ Шведеницкомъ приходѣ можно слышать почти такіе же рассказы о защитѣ Городка отъ чуди, какіе рассказываются о защитѣ Никольскаго городища въ Спасскомъ приходѣ. Однимъ рассказчикомъ извѣстно имя литвы, наряду съ названіемъ чуди; другіе вовсе о литвѣ не слышали, хотя о чуди рассказываютъ. Въ одномъ изъ рассказовъ о чуди, слышанномъ мною отъ кр. дер. Игумповской, Ф. В. Зыкова, встрѣчается, между прочимъ, такое замѣчаніе: „Когда чудь подѣ Тарновской городокъ подходила, такъ копали канавы изъ Тарноги въ Кокшенъгу и пускали воду: чудь воды боилась“. Вѣроятно это одна изъ попытокъ объяснить—какимъ образомъ такой незначительной (особенно, если судить по виду ихъ въ настоящее время, послѣ многолѣтняго осмынанія и заростанія) величины канавы могли служить сколько-нибудь надежнымъ средствомъ защиты отъ нападѣнія на городокъ.

Тотъ же крестьянинъ на вопросъ о панахѣ, отвѣчалъ: „Да, прежь издали паны и наказывали народъ. Говорили (тогда): панъ придетъ такъ всѣхъ расхлещетъ“. Кто они такіе, почему такими правами (или силой) пользовались,—объ этомъ ничего определеннаго добиться было нельзя. Вотъ про это, що развѣзжали-то да наказывали—говорится, а про другое-то не слышать. Можетъ, кто и знаетъ, а намъ неизвѣстно“.

Крестьяне деревни Новгородовской, той же волости, также слышали о панахѣ, но не имѣютъ какихъ-либо ясныхъ и подробныхъ свѣдѣній. О литвѣ не слышали вовсе. О чуди рассказываютъ, что она погубила въ Синяковомъ озерѣ, въ Ромашевскомъ приходѣ; крестьянъ деревни Дубровы, Шведеницкой вол., носящихъ фамилію Сининыхъ и Щекинныхъ, считаютъ потомками чуди, увѣряя, что они „чудсково роду“. Нѣкоторые слышали, что въ Ваймежѣ подѣ деревней Климовымъ у рѣки Уфтыги въ т. наз. Климогорскомъ озерѣ находятъ бревна отъ построекъ, что, будто бы, эти бревна остались отъ того времени, когда русскіе расселились въ этой мѣстности; они (русскіе) долго не могли построить себѣ жилищъ: что за день успѣють срубить—да построить, то ночью чудь растаскивала и топила въ озерѣ.

Къ тому, что было мною сообщено по этому предмету, въ моей выше указанной запискѣ, по рассказамъ крестьянъ Спасской волости,—могу привести вновь записанныя данныя, полученные здѣсь же отъ новыхъ лицъ. Въ особенности интересны рассказы кр. дер. Костенской, М. Д. Третьякова, который обладаетъ большимъ запасомъ всякаго рода свѣдѣній изъ области мѣстныхъ преданій и сказаній, сложившихся у него въ особаго рода цѣльное историческое повѣствованіе. Большую часть того, что ему извѣстно, онъ слышалъ отъ старожилловъ Федора Лавровича и Катерины Ивановны, жившей около

Своем похвѣстѣ М. Д. Третьяковъ начинаетъ обыкновенно такъ:
 „У насъ прежде было все княжество, въ каждой губерці бытъ (свой) князь, а царя не было. Нашъ князь у Архангельскаго князя выкопалъ глаза. Онѣ (т. е. архангельскіе) не стерпили и пошли биться къ намъ на Кокшеньгу; онѣ много у насъ кое-какихъ мѣстъ и городишковъ роззорили. Этта (здѣсь) у Микола (Никольскій погостъ, городище) былъ у насъ Николаевской городъ, а пригородокъ—у Богородской церкви, гдѣ пынь (Городище.) Мѣста эти они всѣ примзорили. У насъ сѣзжались сюда куппы отъ Архангельскаго (т. е. гор. Архангельска), изъ Устюга и изъ Вологды... А топерь было все пусто (т. е. со времени разоренія). Онѣ (архангельскіе) стоели здѣсь три года...“ Очевидно, это одинъ изъ отголосковъ преданія о разореніи Кокшеньги во времена усобицы московскихъ и галицкихъ князей, съ эпизодомъ ослѣпленія Василия II-го ²⁾.

Но къ атому же преданію въ разсказѣ М. Д. Т. тѣсно примыкаетъ и переплетается съ нимъ преданіе о литвѣ и чуди (что, по словамъ его, одно и то же), а также—о папахъ. Разсказывая о нашествіи „архангельскаго князя“ и о разореніи, имъ производимомъ, М. Д. Т. послѣ словъ „онѣ не стерпили и пошли биться“ добавляетъ: „съ ту сторону и пошли эта литва-та и стали драться“. Выходитъ, что литва какъ будто бы приходила съ архангельскимъ княземъ. Однако, въ другой записи со словъ того же разсказчика (имѣется три записи его разсказа сдѣланныя въ разное время). О литвѣ (или „чуди“) въ этомъ мѣстѣ вовсе не упоминается. Можно думать, что и разореніе во времена княжескихъ усобицъ и разореніе нашествіемъ литовскихъ шаекъ смутнаго времени ³⁾ оставили одинаково печальный и сильный слѣдъ въ Кокшеньгѣ и подчасъ невольно отождествляются разсказчикомъ. Что же касается возможности появленія литвы съ низу, отъ Архангельска, то вѣроятность этого можетъ быть подтверждена указаніями Двинской лѣтописи, въ которой упоминается о появленіи на Двинѣ до 2.000 человекъ поляковъ литовцевъ, которые поднимались и на Вагу, притокомъ которой (черезъ р. Устю) является Кокшеньга.

Затронувъ преданіе о литвѣ (или чуди, что, по его мнѣнію, одно и то же), онъ передаетъ въ общихъ чертахъ тѣ же свѣдѣнія объ осадѣ Никольскаго городища, о какихъ мною сообщалось изъ другихъ преданій, но и съ значительными и своеобразными особенностями и нѣкоторыми интересными подробностями. Онъ говоритъ, что „литва стрѣляла изъ зыкоськова поля къ Николѣ, а потомъ и туда подходила“, что „тамъ защищались изъ-за деревянной стѣны, которую тогда же и сожгли, и церковь Ооонасѣевская (во имя св. Аванасія), которая стояла, гдѣ топерь ц. Николы, тоже была сожжена; вотъ тогда-то и вознесли эту батарею изъ земли ⁴⁾“; спачала-

¹⁾ См. упомянаніе объ этомъ въ моей ст. „Кокшеньская старина“ въ „Запискахъ Имп. Р. Арх. Общ.“ за 1906 г.

²⁾ О походѣ В. Кн. на Кокшеньгу во время этой усобицы имѣются указанія въ исторіи Карамзина, по сѣвернымъ лѣтописцамъ.

³⁾ См. упомянаніе объ этомъ въ „Описаніи Кокшеньги“ В. Т. Попова, Вологда, 1857 г.

⁴⁾ См. ст. „Кокшеньская Старина“.

то она была саженъ пятнадцать вышиною. Тутъ были камни и кирпичи, которыми и воевались; были тутъ и бревна подвѣшены на пагиляхъ; эти бревна опускали, когда воевались; а бревна были матерья и заминадо человекъ по пятнадцати и по двадцати¹⁾.

Конѣцъ разсказа М. Д. Т. совершенно особенный:

„Литва имѣла пристанище у Кокрякова озера и ручья (почти противъ Спасскаго погоста) и онѣ ходили къ ночамъ (во время осады Никольскаго городища?) все туда. Надъ ричкой надъ Кокряковымъ былъ на угорѣ гладкой камень: на емъ онѣ хлѣбовали и въ карты играли. Этотъ камень нынѣ не давно мужикъ подбодналъ и свалилъ: думалъ—кладъ есть. На камнѣ три зарубы; одна на Преображенъе (т. е. въ направленіи Спасо-Преображенской церкви). Сколько тамъ ихъ было—не извѣстно.

Главныхъ ихъ начальниковъ убили. Наши мужики собрались съ шести волостей и пришли къ Кокрякову. Напередъ у нашихъ-то шли большознающіе (т. е. вѣщунны, знахари, колдуны); это были паны, онѣ вѣдъ наши и правили нашими; ихъ звали Яганъ, Пеганъ, Поляница и Хайдукъ. Литва-та въ это время отдыхала: вотъ она варить кашу, обѣдать хотять. Ихней атаманъ и говорить: „ну, робята, севоди на кашѣ кровь кишигъ,—не ладно будетъ, не къ добру это“. Все изумились, не знаютъ, что дѣлать. Вотъ когда тутъ пришли наши-те со своими атаманами, и стали драться. Первое дѣло, ихъ атаманъ розстегиваетъ грудь и говорить: „стрилите!“ Нашъ стрилилъ и тутъ его и застрилилъ. Была заряжена-то пуговица серебряная (противъ серебра-то не заговоришьсе)¹⁾; пуговица скрозь его пролигъла. Онъ упалъ. Другого поймали, стали рубить топоромъ. Топоръ не беретъ: онъ заговорился. Наши и говорить: „Не ладно рубите! Возьмите трою въ землю топоромъ ударьте наотмашъ, а потомъ и по шеѣ, тоже наотмашъ“. Тому голову отрубили. Третьей побѣжалъ на убѣгъ. Онъ бѣжалъ, не много не мало, три версты. И выдалъ серебро горстями, чтобы народъ остановился. Достигли (т. е. догнали) его противъ (подъ) деревни Костенской. Тутъ и поймали и голову отсикли. На томъ мѣстѣ была каменья (груда камней) и до нынѣ.

Остальные приметались въ озеро Кокряково. И нынѣ кровяные косы ходять по озеру въ непогоду.

Дьяконъ Боскаревъ видѣлъ кость на берегу озера: приподымитсе да и сосвищеть—значить, хочеть похоронитсе. И видѣлъ тоже такую кость¹⁾.

Всякій разъ, когда переспрашивали М. Д. Т.—она о паняхъ, дѣйствительно ли это наши,—онъ съ увѣренностью повторалъ: „Паны это наши, а литва, чудь-та, поднялась отъ Архангельскаго“. Однако, не смотря на увѣренность старика, въ его разсказѣ о нашествіи „архангельскаго“ князя и литвы заключается наслоение не одного преданія, а нѣсколькихъ о разновременныхъ событіяхъ. Общее убѣжденіе относительно пановъ, которое пришлось много разъ слышать идѣ отъ другихъ крестьянъ, что они приходили въ

¹⁾ Принимается за несомнѣнное, что атаманъ литвы былъ заговорщикъ: за серебро заговоры не дѣйствуютъ.

Кокшеньгу откуда-то и навели страх на жителей своими грабежами и насилиемъ, стоитъ въ согласіи съ преданіемъ, приводимымъ мною равнше, съ тѣмъ, какъ нельзя лучше, согласовались бы и тѣ имена, которыми, по словамъ М. Д. Т., назывались ихъ „большознающіе“, атаманъ: Яганъ, Поления (Палиныца?), Хайдукъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ, вспоминая о старинѣ — и рассказывая между прочимъ, о маленькихъ „волоковыхъ“ окошечкахъ въ домахъ, объясняютъ необходимость устройства такихъ оконъ тѣмъ, что „тогда боялись пановъ и отъ нихъ укрывались“¹⁾.

Одипъ изъ любителей преданій о старинѣ, крестьянинъ Вл. М. Поповъ, человекъ развитой и много читавшій, пановъ называетъ, прямо поляками, приводя косвенное тому доказательство, основанное на значеніи очень распространенныхъ въ Кокшеньгѣ словъ: пановать, панъ, распановаться. Эти слова употребляются тогда, когда хотятъ обозначить какое-нибудь безчинство, самоуправство, выходку, соединенныя съ задоромъ, чванствомъ, напускной важностью и дешевымъ удалствомъ, что отвѣчало бы характеру поляковъ больше, чѣмъ кого-либо другого. Миѣ думается, что этотъ оригинальный доводъ имѣеть за собой реальное значеніе.

Тому же Вл. М. П.—у удалось слышать такой вариантъ преданія о панахъ: „Когда они стояли подъ Николой (т. е. осаждали Никольское городище), то дѣлая набѣги на окружающія деревни) дошли разъ до деревни Мадовицы; а въ Мадовицахъ по угородамъ навѣшены были на кольяхъ снопы конопли. Имъ показалось, что это выступило много народу противъ нихъ и поворотили назадъ пойти подъ Девятую (т. е. подъ Николу: церковь (и городище) носитъ двойное названіе по имени двухъ святыхъ, въ честь которыхъ она освящена: Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы (Девятой)). Въ другой разъ оттуда уже не подходили къ Мадовицамъ, да скоро онѣ послѣ этого и погибли. Ихъ атаманъ будто бы сошелъ съ ума и сталъ кричать: „смотрите-ко, робота, съдатою-отъ старикъ?“²⁾ кругъ шатра (шейка купола) у церкви издить на лошади и миѣ грозить... Не застрашаетъ меня!“ Послѣ того забѣгалъ этотъ атаманъ съ мечемъ да въ озерѣ и утопуть... А паны-те варили кашу да вмѣсто пѣны-то кровь косями заходила: онѣ и узнали, что гибель скоро приходитъ. Тутъ, сколько денегъ, богатства ихъ было,—все въ котель склади и утопили въ Городишномъ озерѣ: а надъ котломъ поставили плоть изъ слегъ (длинныхъ бревень), на плоть наносили земли да и плоть на котель утопили. А потомъ и сами въ этомъ же озерѣ уходились“.

Миѣ самому не разъ приходилось слышать о богатствахъ, затопленныхъ въ этомъ озерѣ. А однажды во время охоты на утокъ сопровождавшій меня крестьянинъ одной изъ близъ лежащихъ де-

¹⁾ Впрочемъ, въ ст. К. Попова „Колонизация „Заволочья и обрусѣнне заволочкой чуда“, помѣщ. въ №№ 2 и 3 „Вѣсткы“ за 1872 г., упоминается также, что названіе „паны“ въ Вельскомъ уѣздѣ употребляется для обозначенія особой категоріи мѣстныхъ крестьянъ, а не въ обычномъ смыслѣ — на остатковъ польско-литовскихъ шаекъ смутной эпохи.

²⁾ Разумѣется Св. Николай Чудотворецъ, хотя и странно, что онъ на конѣ.

ревень забрелъ съ одного берега въ озеро съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ и, подойдя къ предполагаемому мѣсту затопленія плота, тикалъ шестомъ въ дно, и дѣйствительно во многихъ мѣстахъ былъ слышенъ глухой стукъ ударовъ, какъ будто о деревянный помостъ; между тѣмъ заростающее торфяное озеро-старина имѣло въ другихъ мѣстахъ только илистое вязкое дно. Мѣсто предполагаемаго плота находится противъ наиболѣе отлогого спуска съ городища, и весьма возможно, что черезъ старое русло рѣки, отъ которой остались теперь эти озера-старичи, былъ дѣйствительно когда-то перекинутъ бревенчатый плывучій мостъ: или стоялъ плотъ, на которомъ перѣзжали, а потомъ отъ набуханія на водѣ погрузился на дно. Однако, противъ подобнаго рода догадки всегда пайдется, что возразить, и настаивать на такомъ объясненіи не приходится.

Любопытно, что подробность вышеприведеннаго преданія о съдатомъ старикѣ встрѣчается и въ преданіяхъ о защитѣ Тарногскаго городка отъ чуди.

Исчерпавъ болѣе или менѣе то, что удалось уловить мнѣ изъ широкаго, но зыбкаго источника народной памяти, въ области интересующаго меня въ данную минуту вопроса, я долженъ придти къ одному скромному выводу, что всего приведеннаго еще не достаточно для какихъ-либо вполне опредѣленныхъ заключеній; но тѣмъ не менѣе, не смотря на нѣкоторую противорѣчивость отдѣльныхъ мѣстъ преданій, въ нихъ заключаются указанія, вполне гармонирующія съ лѣтописными сказаніями о Кокшеньгѣ и до нѣкоторой степени рисующія картину историческихъ условій быта и развитія мѣстнаго населенія. Въ послѣднемъ отношеніи чрезвычайно важное значеніе имѣетъ еще и то обстоятельство, что въ Кокшеньгу съ разныхъ сторонъ притекали бѣглецы, укрывавшіеся отъ разныхъ преслѣдованій, не рѣдко составлявшіе значительныя шайки, занимавшіяся разбоемъ и грабежомъ и не скоро переходившія къ мирному образу жизни. О разбойничьихъ шайкахъ, ихъ атаманахъ и походахъ ихъ тоже не мало сохранилось разсказовъ въ народѣ. Часть этихъ преданій я и привожу въ слѣдующей главѣ.

III. Розбой (разбойники).

Въ предыдущей главѣ я упомянулъ между прочимъ о томъ, что преданія кр. М. Д. Третьякова сложились въ установившіяся опредѣленнымъ циклъ. Послѣ разсказа о пашествіи „архангельскаго“ князя и литвы, онъ продолжаетъ:

„Послѣ этой поры жили много времени и наступилъ розбой. Ходилъ онъ шайками, по 40 человекъ. Розбой богатыхъ мужиковъ грабилъ и рѣзалъ. У насъ былъ въ Мадовицахъ богатой мужикъ, Бирюкъ звали. Его захватили въ Преображенской церкви. Изъ церкви утащили на рѣку и замучили. У нихъ фатера (квартира, мѣсто стоянки) была на Коленьгѣ по ричкѣ Пестову (притокъ Ко-

деньги); тутъ была земляная изба. Онѣ много кое-чего нагрудили около той избышки. У этой мѣстности ничего теперь, наверху нѣтъ. Только одинъ мужикъ, Устинъ ¹⁾ съ Ростова изъ деревни Починна, нашелъ 1½ пуда свинцу, а больше ничего не могли добратъсе, а добирались все сабли Александра Невскаго. Она есть тутъ на самомъ дѣлѣ, да не многіе знаютъ про это,—кто слыхалъ отъ прежнихъ людей.

Разбой сталъ много праказу дѣлать (проказничать). Онѣ грозится на Гусиху (одна изъ самыхъ большихъ деревень въ Кошешьгѣ): надо, говоритъ, ограбить. Гусишана узнали объ этомъ и собрали народъ съ шести волостей. Народъ былъ въ гумнахъ и домахъ спрятанъ. Разбой пришелъ. Былъ Проня на Гусихѣ, который зналъ заговоръ, и заговорился, что его не брала пуля. У разбойниковъ былъ тоже заговорщикъ. Онѣ заговорился, и его тоже не брала пуля. У Прокопья (Проня) была „середка“ (средняя часть дома) розломана до переводъ (балки подъ крышей). Былъ еще дымникъ (деревянный, об. довольно широкій, дымоходъ). Проня ульзъ въ этотъ дымникъ. У ихъ былъ уговоръ: пока Проня не стукнетъ изъ оружія—народу не выкрыватъсе; а какъ учуютъ стукъ, такъ народу вдругъ хлынуть на разбойниковъ. Какъ приходитъ этотъ разбой, до Гусихи атаманъ и говорить: „топерь Гусиха сгодотала (т.-е. пропала) и Проня попалы!“ Идетъ этотъ атаманъ по переводамъ у (дома) Прони. Проня—ничего другою—изъ дымника выстрѣлилъ изъ оружія серебряной пуговицей; атаманъ съ переводовъ упалъ, а народъ услыхалъ этотъ стукъ и со всѣхъ сторонъ сошвинулись. Разбой испугался и сейчасъ къ озеру, и приметались въ озеро; тамъ и рѣшился (погибъ), всего 40 человекъ“.

Въ этомъ разсказѣ перемѣшаны, видимо, два преданія: то, что связано съ кладами и становищемъ на Коленьгѣ (городище при ручьѣ Городихѣ и почти противъ впаденія р. Нестова въ Коленьгу), судя по разсказамъ многихъ другихъ крестьянъ, относится къ болѣе отдаленному времени и обыкновенно въ качестве дѣствующихъ мѣгъ называется пановъ или литву; второе, гдѣ говорится о Бирюкѣ, судя по распространенности и общезвѣстности, а также по упоминанію о Преображенской (деревянной, существующей и въ настоящее время) церкви, является болѣе позднимъ.

Самъ Третьяковъ дальше говорить, что „разбой былъ не особенно давно: еще тетка Катерина помнитъ то время, а она умерла годовъ 50 тому назадъ (жила около 110 лѣтъ)“. Разумѣется, вполнѣ возможно, что на Коленьгѣ у Городихи могли имѣть становище цѣлый рядъ шаекъ, смѣнявшихъ другъ друга разновременно.

Поздъ деревней Гусихой находится довольно глубокое озеро, пробѣжая мимо котораго много разъ, я очень часто слыхалъ отъ ямщиковъ о гибели въ немъ разбоя и чуть ли даже не пановъ.

Въ деревнѣ Мадовицахъ живутъ и въ настоящее время прямые потомки Бирюка; одинъ изъ нихъ, весьма пожилой крестьянинъ, разсказывалъ эту исторію примѣрно въ томъ же родѣ, съ нѣкоторыми подробностями:

¹⁾ У котораго хранились записи на кладъ по р. Коленьгѣ; копия одной изъ нихъ, датированная 1639 г. я видѣлъ у одного кр. Спасской волости.

„Бирюкъ былъ матѣрой человѣкъ, страсть и очень богатой... Будто бы разъ ударилъ онъ казака (т.-е. работника), а тотъ въ разбой ходилъ и сказалъ: „помни,—каковъ нибудь да я буду!“ Потому убѣжалъ, созвалъ сорокъ человѣкъ разбойниковъ: вывели Бирюка изъ Преображенской церкви съ крыла и привели домой; требовали денегъ. А денегъ то у него будто были клады. Бирюка сожгли живого, подъ горой у рѣки, а о деньгахъ такъ ничего и не узнали. Клады-отъ въ нашемъ домѣ будто есть отъ него, да какъ его достанешь:“

Разбойники обыкновенно имѣли пристанища среди лѣсовъ и болотъ, въ мѣстахъ мало доступныхъ, и оттуда дѣлали набѣги и грабежи. Указываются цѣлый рядъ мѣстъ, въ которыхъ были ихъ становища или оставлены клады; существуютъ урочища, какъ, напр. по р. Западной Поцѣ съ названиями „Разбойное“: сохранились имена нѣкоторыхъ ихъ атамановъ. Ихъ клады, заключающіе, какъ то сказывалось въ нѣкоторыхъ записяхъ, несмѣтные богатства, привлекали многихъ искателей счастья даже на отдаленныя, трудно доступныя болотныя рѣлки (островки), служившія когда-то надежнымъ убѣжищемъ разбойниковъ. Въ Шевденицахъ болѣе всего извѣстна въ этомъ отношеніи „Кладовая“ рѣлка (о которой я уже въ своемъ мѣстѣ упоминалъ), въ болотахъ по рч. Лайбуу, связанная съ именемъ разбойничьяго атамана Росадки, будто-бы по имени котораго называется одна изъ деревень: Росадина.

Бываніе на этой рѣлкѣ раньше, рассказывали, между прочимъ, о какихъ-то бревнахъ, служившихъ, по предположенію, для переходовъ разбойникамъ на рѣлку, и обитыхъ мѣстами мѣдью. Теперь таковыхъ, говорятъ, не видно.

Подобная рѣлка существуетъ на Болванскомъ болотѣ, въ 20 верстахъ отъ Спасской церкви, внизъ по правому берегу р. Кокшенъги. Мнѣ приходилось говорить съ нѣкоторыми изъ побывавшихъ здѣсь крестьянъ: Они рассказываютъ, о точныхъ примѣтахъ, перечисленныхъ въ записи объ этомъ кладѣ, и вполнѣ отвѣчающихъ имъ въ дѣйствительности, рассказываютъ о камнѣ, покрытомъ, какъ будто бы надписью: о ямѣ, въ которой долженъ лежать кладъ, прикрытый съ верку толстыми слоями угля, камней и золы. Угля и камней выгребали они большое количество, но до клада не добрались.

Повсюду рассказывается о шайкахъ разбойниковъ въ сорокъ человѣкъ и о почти внезапной ихъ гибели. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ на убѣжище ихъ указывается на очень маленькія одиночныя земляныя избушки, а съ другой стороны, изъ преданій о Бирюкѣ, Росадкѣ и под. выходитъ, что какъ будто бы этотъ разбой имѣлъ своихъ представителей и по деревнямъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать, что такіе-то дома или жители чуть не цѣлой деревни „разбойничьяго роду“. А лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ разбой происходилъ частенько на всѣхъ сколько-нибудь длинныхъ лѣсныхъ волокахъ, по дорогамъ; и тутъ ужъ приходилось слышать прима подозрѣнія, что это не дальніе разбойники, а свои же мѣстные, при чемъ иногда указывалось и на темное происхождение подозрѣваемыхъ. Такимъ образомъ, можно думать, что если „разбой“ и былъ первоначально пришлымъ элементомъ, то потомъ, мало-по-малу

обращаясь въ мѣстный, переходилъ, подъ конецъ, въ мирныхъ обывателей, пристроившись или среди жителей другихъ деревень или основывая особые починки.

Съ другой стороны разбон, принимая форму грабежей на лѣсныхъ волокахъ и доходя до простыхъ кражъ по деревнямъ, становились все болѣе одиночными и превращались въ воровство отдѣльныхъ недобрыхъ людей, стараніемъ самого населенія выведенное за послѣдніе годы почти окончательно. Иногда такого рода одиночные грабежи и смѣлыя кражи приписывались тоже бѣглецамъ, не переменившимъ въ Кокшенигѣ до самого послѣдняго времени и жившимъ часто одиночно въ лѣсныхъ избушкахъ и землянкахъ по всѣмъ почти волостямъ. Однако, вѣроятно все, что бѣглецы эти часто служили только козлами отпущенія для другихъ, ибо, имѣя серьезныя причины укрываться, эти люди бывали, обыкновенно, самыми мирными и, можетъ быть, честнѣйшими людьми.

Среди такого сорта бѣглецовъ бывали и не вынесшіе тягости военной службы или помѣщичьяго ярма, и преслѣдуемые сектанты, и, быть можетъ, пострадавшіе „за политическія убѣжденія“. Такъ жившій въ Озеркахъ бѣглецъ изъ военной службы „Петрушка-Пантюшка“ писалъ списки, книги, сны Богородицы и, продавая, выручалъ себѣ на хлѣбъ или прямо мѣнялъ ихъ на пищевые продукты.

Тамъ же, въ лѣсу, по направленію къ Новоселамъ, жили старовѣры и пытались приношеніями изъ деревень, дѣлали туйски и еще кое-какія вещи, и такимъ образомъ не много зарабатывали на покупку самаго необходимаго. Послѣ нихъ остались слѣды огорода съ 9-ю грядами.

Нѣкоторымъ изъ такихъ, уже пожившихъ порядочно долго, бѣглецовъ населеніе, слѣдовательно, само дѣлало добровольныя приношенія. Изъ бѣглыхъ сектантовъ-старовѣровъ многіе устраивались, между прочимъ, на окраинѣ Спасекаго прихода, около такъ называемой Тюреберы (нѣсколько деревень), гдѣ и по сіе время среди населенія прочно держится старовѣрчество.

Преданія о „разбоѣ“ и бѣглецахъ, изложенныя въ нѣкоторой полнотѣ, приведу въ кругъ современной Кокшенигской дѣйствительности, даюť поводъ рассказчику на нихъ и закончить циклъ Кокшенигскихъ преданій: но очень часто, обыкновенно послѣ перерыва какъ бы означающаго, что дальнѣйшее не стоитъ въ непосредственной связи съ рассказаннымъ, или послѣ вашей просьбы рассказать что-нибудь изъ преданій еще,—онъ дополняетъ свое повѣствованіе „былью объ еретикахъ“, а иногда касается и общеисторическихъ лицъ, преимущественно нѣкоторыхъ русскихъ государей, „френцуза“¹⁾ и пр.

М. Едемскій.

(Окончаніе слѣдуетъ)

¹⁾ Наполеона I.

ОТДѢЛЪ II.

ИЗЪ КОПИЕНЬСКИХЪ ПРЕДАНІЙ.

(Окончаніе).

IV. Еретики.

Но смотря на то, что объ еретикахъ разсказывается, какъ о старинѣ, обыкновенно на ряду съ другими преданіями, предметъ этихъ разсказовъ, мнѣ кажется, можетъ быть отнесенъ и въ разрядъ народныхъ суевѣрій и, съ другой стороны, къ области легендарно-сказочной. Однако, при общераспространенности этихъ разсказовъ, такъ велика увѣренность мѣстнаго населенія въ реальномъ (когда-то) существованіи еретиковъ и такъ заманчиво-естественно это существованіе сливается съ бытовой обстановкой, что становится вполне повѣрливымъ, почему „еретики“ разсказываются на ряду съ преданіями о чуди, панахъ и проч.

Надобно при этомъ имѣть въ виду, что самое названіе „еретикъ“, заимствованное изъ исторіи церковныхъ ученій, по всей вѣроятности, еще въ первыя времена ознакомленія съ христіанствомъ, въ настоящее время утратило совершенно свой первоначальный смыслъ и получило новое значеніе, въ которомъ съ трудомъ только можно подмѣтити нѣкоторое отношеніе къ прежнему. Съ понятіемъ еретикъ въ предствленіи мѣстнаго населенія связываются и понятіе о безбожничѣ (само собой), и о колдунѣ, и оборотнѣ, и особаго рода нечистой силѣ въ образѣ человѣка, съ раскаленными желѣзными зубами и пламенемъ во рту. Разъ съ еретиками связано колдовство и знахарство, которыя и до нынѣ по сѣверу являются въ народной жизни часто еще неизбѣжными реальными фактами, то разсказы о нихъ естественно идутъ въ формѣ преданій, иногда подъ названіемъ бывальщинъ, былей. Самое слово еретикъ—въ постоянномъ употребленіи у народа, на ряду съ словами татаринъ, чудь, и имѣетъ значеніе ругательства для характеристики человѣка злого, тяжелого, мрачнаго и скрытнаго, съ недобримъ глазомъ. Ругательство часто выражаютъ въ формѣ: „У еретикъ—золотыя зубы“, или: „еретикъ-татаринъ“.

Отъ М. Д. Третьякова я услышалъ объ еретикахъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній, сказанныхъ немного вскользь, какъ бы въ завершенье всего цикла его преданій:

„Еретики ходили по землѣ. Днемъ нигдѣ никого, а ночью лишь солнцѣ за лѣсъ садѣтъ,—и пошли; какъ пѣтухъ споетъ, такъ онѣ и пропали. Вотъ и она прежь въ избахъ были маленькія съ задвиганн: боелисъ еретиковъ-то (тоже, что говорилось о панахъ!). Днемъ еретики были, какъ чурки, лежали.

Тетя Катерина розсказывала, що при ней еще играли дѣвки на трапезѣ у церквы, а покойника заставили разъ свѣтитъ огонь; покойникъ-отъ отталъ и упалъ—всѣ и побѣжали изъ церквы-то... Ещо на моей паметѣ обѣдали на трапезѣ Офонасьевской церквы со всей волости.

...Вотъ, когда у церквы-то играли, дакъ еретикамъ-то было преступно...

Еретиковъ не приняла мать сына земля: народъ знаткѣй (т. е. вѣщій, колдунъ). Подъ старой колокольной не давно пайдень былъ покойникъ въ землѣ: закованъ въ золѣзо, гробу нѣтъ, а онъ нетлѣнень.

Еретики не стали ходить,—когда Господь заклѣу (заключилъ)“.

По моей просьбѣ, крестьянинъ деревни Харитоники, Спасской волости, Вл. М. Поповъ, записалъ мнѣ, преимущественно отъ своей матушки Екатерины Ивановны, чрезвычайно любознательной и памятливей старушки, здравствующей еще и помнѣй,—слѣдующіе рассказы о еретикахъ:

1.

„Досель была мода „играть“ на папертѣ. Ночь (внѣш) и паперти-то, правда-що, вы не знаете: у старой Офонасьевской церквы была адакая трапеза—большая, пребольшая; по всей проходные столы изъ долгихъ досокъ; вотъ на этихъ столахъ въ праздники и обѣдали. Въ трапезѣ сторожъ церковной спалъ. Тутъ и покойники къ ночамъ заносились.

Давно будто было, що на трапезы съѣзжались и сходились играть по ночамъ въ городки (водить хороводы)¹⁾—ну знамо дѣло.—о свѣткахъ.

Сошлись, говорятъ, одинъ разъ играть въ трапезу много дѣвокъ и молодежи (т. е. парней). А той ночи покойникъ начевалъ тутъ... Ну, молодежь покойника изъ гроба вытащили, поставили въ уголъ, а въ зубы лучину съ огненъ воткнули—„свѣти“, говорятъ: „чѣкъ безъ дѣла лежать“. Говорятъ, по четыре покойника бывало, такъ и во всѣ углы по покойнику, да всѣ и свѣтитъ.

Вотъ это онѣ играютъ... А, извѣстное дѣло, нечистой свѣтъ преступно, какъ малю-малюски подшутить... Никто ничего въ городкѣ не зналъ; все, думаютъ, ладно: ходить да городки здувають. А у одной дивки привезена была съ собой племянница, годовъ пяти-ли четырехъ-ли, маленькая. Эта маленькая дѣвушка посажена была въ

¹⁾ См. мою ст. „Вечерованье, городки и пѣсни“. Жив. Стар. 1906 г. вып. III и IV.

печь. Съ печи и видитъ она, що въ городкѣ не порядки: дѣвѣ играютъ, думаютъ,—съ молодцами, а дѣвѣ съ печи открыто, Богомъ ужъ стало-быть. шо ходитъ въ городкахъ много съ золѣзными зубами да и въ ротѣхъ-то какъ огонь бы пышетъ. И запросилась съ печи дѣвушка: „Божата ¹⁾, пойдемъ домой! божата, пойдемъ домой!“ Ну, и варевѣла... А нечистал-та смла не знаетъ ли, что у челоуѣка на умѣ? Дѣвицѣ-невѣстѣ ²⁾ дѣлатъ было нечего—дѣвка ревить, не унимается,—идти домой привелось. Вотъ закутала она шалью крестницу да и понесла домой, а еретникъ-те іе за сарафанъ и забрали. Она зревитъ да и успѣла за двери да и сарафана черезъ косякъ дверей вырвали. А тамъ и поднялось—ревъ, стонъ... Скрозь землю и трапеза прошла; только печной столбикъ остался. А на столбикѣ-то, вишь, варешки ребенокъ-отъ оставилъ,—такъ и остался столбъ одинъ съ варешками.

2.

Тогда много нечисти (нечистой силы) велось, страсть и подунать; было много волшебства, всякихъ заговорщиковъ. Мужъ про жену не зналъ, а жена—про мужа (что не волшебникъ-ли)...

Вотъ вѣдакъ будто бы умираетъ одинъ мужъ да женѣ и наказываетъ: „смотри ты, жона, только я умру,—того же часу подрѣжь мнѣ подколѣвныя жилы!“ Умеръ мужикъ... А бабѣ-то пожалѣлось подрѣзать подколѣвныя жилы: дружно, стало быть, съ мужемъ жили. Ну вотъ, какъ рядъ дѣлу, покойника обмыли и „подъ святые“ положили. Дѣло было къ ночи. Семейства у вдовы и было, что три подростка—маль-мала меньше; а никого чужого не было, а ей все же думно было. Ночь долга, тоскливо будетъ: давай баба печь топить; топить печь и клюку калить, а самой и мужа жалъ и покойника боится. Топить печь да клюку калить...

— „Мама, татя-та пошевелился!“

— Молчи, говорить, тибѣ такъ показалось.

А сама сидитъ у печи да клюку калить.

— „Мама! Татя-та садится!“

А покойникъ попробовалъ сѣсть; покрывало на полъ свалилось; и опять упалъ на подушку...

— Молчи, говорить мать, это такъ показалось!

— „Мама! Татя-та (в)сталъ!..“

Соскочила баба, схватила робятъ, пехнула черезъ чилисникъ ³⁾ на печь, выхватила изъ печи каленую клюку и сама къ робятѣмъ заглязла.

Покойникъ всталъ и началъ осматривать, гдѣ жѣна. Вотъ розсмотрѣлъ онъ жену на печѣ и пошелъ тихонько къ печѣ, а подъ нимъ половици (доски пола) выгибаются, скрипятъ. Подошелъ онъ къ голбцу,—а на печь вылѣзти надо: зубами золѣзными щелкаетъ, къ голбцу грудью наваливается... Баба съ печи каленой клюкой клесъ

¹⁾ Крестная мать.

²⁾ Такъ называють всякую взрослую дѣвицу.

³⁾ Лицевая сторона печки надъ устьемъ (топкой), покрытая полосой сажн отъ выходящаго черезъ то же устье (безъ трубы) дыма.

по зубамъ—только зубы сбрыкали. Онъ отступилъ и опять напираетъ: съѣсть, вишь, надо; а выдѣть не можетъ, потому руки крестомъ на грудѣ сложены были, такъ и не можетъ отъ груди своей отнять. Онъ подождетъ,—а она опять по зубамъ клюкой каленой. Знамо дѣло, Богу молилась. Запѣлъ пѣтухъ,—бросился еретикъ на старое мѣсто; но ужъ легъ ничью (ничкомъ). Такъ ничью и утромъ нашли, такъ и похоронили.

Этихъ вопшебниковъ (такъ!) все ничью хоронятъ: куда лицомъ скоронишь, туда подъ землей и пойдетъ: къверху лицомъ—наверху выйдетъ, а ничью—дакъ въ пренсподнюю прямо уходитъ.

3.

Досель, говорятъ, худо отъ еретиковъ было, сохрани Богъ, какъ худо. Давно это было... Послѣ того, какъ Христосъ по землѣ прошесть, еретикамъ ходъ усѣкло. вся нечисть разбѣжалась; а то было время: только сонце за лѣсъ сѣло,—не оставайся одинъ на улицѣ: бѣда!.. да и въ избу ползутъ. Изъ-за того у избъ все волоковыя окна были. Какъ сонце за лѣсъ—и оконце закрывають. Волоковыя окна еще и мы у старикъ избъ помнимъ: такія маленькія были,—человѣку пролѣзти нельзя было.

Эдакъ одинъ разъ мужикъ не успѣлъ днемъ домой попасть. Идетъ по лѣсу, глядь—а изъ-за сосенъ еретикъ-отъ и выглядываетъ. Вотъ онъ скорѣе на сосну да къ самой вершинѣ... А еретикъ подъ сосну: не лѣзетъ, а ухватился да зубами подгрызаетъ—только зубы щелкають, только щепки летятъ... Сидитъ мужичекъ на соснѣ, на самой вершинѣ, да молитвы читаетъ, всѣхъ слятныхъ перебираетъ: а еретикъ грызетъ сосну—только щепы летятъ. Долго мужикъ сидѣлъ на соснѣ, долго плакалъ и молился, а еретикъ не уходилъ, все сосну подгрызалъ. Ужъ сосна закачалась—не толсто, стало быть, грызти оставалось... Запѣлъ пѣтухъ гдѣ-то—и еретикъ убѣжалъ, и сквозь землю прошолъ. А мужикъ ужъ утромъ слѣзъ съ сосны.

Вотъ какое тогда времечко было!

4.

Знающей досель народъ был!

Эдакъ, бывало, старухѣ-то ужъ худо,—смерть приходитъ... А старука была денежная. Ну, семейство; сынъ былъ жематой. Знаетъ скрагу: куда, думаетъ, денегъ бы не запропастила.

А деньги—у ней; большой кошель къ намышкѣ ¹⁾ привязанъ—серебро да золото. Видитъ старуха, що скоро умереть надо, и говоритъ сыну-ту своему: „сынъ, подми-ко меня, да подведи еще (разъ) къ печкѣ; вишу, скоро смерть приходитъ... долго у печи не сришана: посмотри хоть еще!“ Захватилъ сынъ старуху подъ мыши притащилъ къ печѣ.—„Подержи эдакъ меня!“ Сынъ держитъ. Отпала она кошель отъ намышки, высыпала деньги на шестокъ и давай зарывать въ пепель въ печурку. Чьи ручки загребать, тѣ!

¹⁾ Лямка черезъ плечо, у сарафана

выгребайте",—эдакъ и приговариваетъ. Ну такъ и загребла всѣ деньги.—Ну, уведи меня топерь на кровати! Легла старуха и умерла. Ну тогда смѣнь къ печѣ: надо деньги взять. Рылся, рылся—одинъ пепель, а денегъ нѣтъ... „Що не за оказія!“ А парень-отъ былъ, знать, не промахъ: схватилъ мертвую-ту старуху, притащилъ къ печѣ да еѣ то руками и перерываеъ золу. „Чѣмъ ручки загребали, говорить,—тѣ и выгребаютъ“. Такъ всѣ деньги и выгребъ.

5.

У одной дѣвушки былъ дружокъ. Ну, этотъ дружокъ-отъ да и умри... И ну она объ ѣмъ тосковать, ну тосковать; ночи сидитъ подъ окномъ да на улицу смотреть. Долго ли мало ли эдакъ по-сокрушалась...—Сидитъ это подъ окномъ да на улицу смотреть, а глядь—онъ и ѣдетъ на лошади да и на креслахъ, ¹⁾ а еѣ къ себѣ рукой на улицу манитъ. А было почью; всѣ спали. Она обрадовалась, выбѣжала къ ему на улицу. А онъ и говоритъ: „вотъ, милая ты моя, обо мнѣ сокрушайшесе, а думаешъ—я тебя и забылъ? а я тебя не забылъ, а по тебя прѣхалъ; поѣдемъ со мной и будемъ жить вмѣстѣ! Пока топерь никто не увидаетъ, соберемъ все твое именье да и поѣдемъ: у меня и кресла заготовлены“. Обрадовалась дѣвица и давай выносить именье: портня, рубахи, шубу, сарафаны... А семья спитъ и никто не слышитъ.

Вотъ оклались онъ и поѣхали по дорогѣ. ѣдутъ онъ это полевъ и молчатъ. А мѣсяцъ свѣтитъ; а мертвецъ ѣдетъ...

— Милая моя, не боишесе ли меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

Вотъ доѣхали онъ,—пошелъ лѣсъ. А мѣсець свѣтитъ, а мертвецъ ѣдетъ...

— Милая моя, не боишесе ля меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

Опять ѣдутъ. Прошелъ лѣсъ; пошло поле, а тамъ дальше и по-вость... Мѣсяцъ свѣтитъ, а мертвецъ ѣдетъ.

— Милая моя, не боишесе ли меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

ѣдутъ онъ и заѣхали на кладбище, гдѣ кресты могильные да сугробы снѣга. Лошадь остановилась у полой (открытой) могилы. Онъ заскочилъ въ могилу; „подавай“, говоритъ: „имѣнье-то!..“ Она испугалась, схватила корзину съ рубашками да и подаетъ. А онъ только сглотилъ прямо въ ротъ! Она посмотритъ—а у ѣво вубы стальные и глаза какъ каленные угли... „Мечи“, говоритъ: „кручае!“ Стага она это метать коробушка по коробушкѣ... а онъ глотаеъ да ее торопитъ. Догадалась она.—начала читать молитвы; а имѣнья мало остается, скоро и самую еѣ сглотитъ... Вотъ и начала бросать по одной рубашкѣ, по одной заплаткѣ, щобы времени больше прошло. А онъ глотаеъ, а онъ глотаеъ да еѣ торопитъ.

Услышалъ Господь еѣ молитву: запѣлъ пѣтухъ гдѣ-то... Закрылась могила... Ни его, ни лошади не стало, только стоитъ она одна на буюнѣ ночью; а вѣтеръ снѣгъ переметаетъ.

¹⁾ Розвальни, низкія и широкія сани для возовъ.

Такого рода преданій-балладъ, не лишенныхъ оригинальной силы и красоты слога, имѣющихъ, по всей вѣроятности, чрезвычайно далекое происхожденіе, но и не расходящихся еще и съ мѣстной дѣятельностью ни въ обстановкѣ ни въ другихъ аксессуарахъ, а также отбѣждающихъ всецѣло мировозрѣнію старшихъ слоевъ современнаго населенія Кошшенги,—можно было бы записать и значительно больше. Я помню, съ какимъ замираніемъ сердца выслушивали имъ съ дѣтствѣ такіе рассказы! Рѣдкая женщина не умѣла рассказывать ихъ, рѣдкій мужчина не зналъ какого-нибудь рассказа о вретникахъ.

Итакъ, сказанія эти уже вводятъ насъ въ область народныхъ суевѣрій, которыми вообще довольно богата фантазія мѣстнаго обывателя. При случаѣ я постараюсь познакомить интересующагося читателя съ тѣмъ матеріаломъ, какой найдетъ въ моемъ распоряженіи и въ этой области.

Что же касается преданій объ общенсторическихъ лицахъ и событіяхъ, то въ слѣдующей главѣ, по недостаточности имѣющагося у меня этого рода матеріала, я полагаю, хотя бы только для ознакомленія съ характеромъ этихъ данныхъ, все же изложить и то немногое, чѣмъ я могу располагать, дабы придать нѣсколько больше полноты и законченности въ освѣщеніи намѣченнаго мною вопроса.

V. Общенсторическія лица и событія.

Въ III главѣ я уже упомянулъ о томъ, что относимыя мною къ названной въ заглавіи настоящей главы категоріи преданій обыкновенно сообщаются, какъ не имѣющія близкой и непосредственной связи съ остальными кошшенгскими преданіями, часть которыхъ, напр., хотя бы о Лигвѣ, казалось бы, тоже вполне могла быть отнесена къ этой же послѣдней категоріи. Это—какъ бы дополнительныя свѣдѣнія о прошломъ, имѣющимъ второстепенный мѣстный интересъ, а иногда являющіяся въ видѣ случайныхъ рассказовъ или указаній, пользующихся однако, общимъ, распространеніемъ.

О событіяхъ и лицахъ отдаленныхъ историческихъ эпохъ, понятно, не приходится ожидать здѣсь сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній; если и встрѣчаются какія-нибудь намеки и указанія, то они имѣютъ характеръ отголосковъ книжныхъ званій и больше распространены среди людей грамотныхъ или бывалыхъ.

Напримѣръ, весьма часто можно встрѣтить упоминаніе объ Александрѣ Македонскомъ и рядомъ—о Гогѣ и Магогѣ, загнанныхъ въ горы. Смысли о Римѣ, о Царѣ-градѣ, Царѣ-Константиѣ.

Даже и ближайшія по мѣсту и времени событія исторіи чрезвычайно слабо отразились въ мѣстныхъ преданіяхъ и рассказахъ. Упомянется о татарщинахъ, о нашествіи французовъ.

Изъ русскихъ государей извѣстенъ имена Ивана Грознаго, Бориса Годунова, Петра Великаго. При этомъ о Грозномъ отзываются всегда съ большимъ уваженіемъ; съ этихъ именомъ сопряжено какъ будто бы понятіе о справедливости и безпристрастности. Борисъ Годуновъ, наоборотъ, пользуется дурной славой, какъ Государь, котораго похвалить не чѣмъ.

Что касается Петра Великаго, то о немъ существуютъ любопытныя преданія (не одно), имѣющія и мѣстный интересъ. Передается за несомнѣнный фактъ, что Петръ Великій проѣзжалъ по Кокшеньгѣ и былъ здѣсь во многихъ мѣстахъ. Въ „Описаніи Кокшеньгъ“. В. Т. Попова, отъ 1857 г., упоминается о томъ, что будто бы онъ завелъ въ Россіи всѣ заморскія хитрости.

О хитрости его самого не мало говорятъ и въ настоящее время. При этомъ почти всегда добавляютъ: „А какъ вотъ не хитеръ былъ, а лаптя-то все таки не могъ сплести: заплести-то занелъ, а свершить-то и не могъ, носка не сумѣлъ заворотить... И теперь еще лапоть-отъ этоть гдѣ-то тамъ въ Питерѣ во дворцѣ али въ музей виситсе“. Въ деревни Харитонихѣ, Спасской волости, рассказывается, что Петръ былъ здѣсь и любовался громаднымъ лѣсомъ у самага поля этой деревни; что, будто, заохотилъ онъ въ этоть

лѣсъ и потомъ заказалъ беречь его для кораблей. Лѣсъ этоть носилъ потомъ названіе Царской рощи. Неизвѣстно, долго ли стояла эта роща, но въ такой близости къ деревнѣ сохраниться она не могла, въ виду потребности и въ лѣсѣ и въ землѣ. Но будто бы крестьяне, вѣроятно не желая нести отвѣтственности за сохранность рощи, вырубилъ ее, а остатки сожгли; землей однако этой имъ такъ и не удалось воспользоваться: окруженная со всѣхъ сторонъ ихъ полями, она такъ и не вошла въ крестьянскій пахѣлъ. Впослѣдствіи, не особенно давно, эта земля однимъ изъ управляющихъ удѣльными имѣніями была передана, какъ мелкая оброчная статья духовенству Спасской церкви.

Въ Залчѣрицкомъ приходѣ Петръ былъ будто бы въ церкви и за недостаточно пристойное поведеніе „заечерицянъ“ въ церкви (да и вообще, повидимому, жители этого прихода хорошаго впечатлѣнія на Царя не произвели) онъ прозвалъ ихъ „локасами“. Эта кличка держится за ними и въ настоящее время въ формѣ „локасы“ и „локасье“. Мнѣ не удалось уловить достаточно опредѣленнаго значенія, передаваемого этими словами.

На Седенгѣ (приходѣ), въ деревнѣ Глазановѣ, Царь поселилъ одного изъ своихъ слугъ, которому была дана особая земля. У наслѣдниковъ этого слуги потомъ крестьяне откупили будто бы дарованную землю за 2.000 бѣлокъ.

Сохранились у меня въ памяти смутные остатки уже очень давно слышаннаго здѣсь мною разказа о томъ, что Царь Петръ, разсердившись разъ на какую-то рѣку, приказалъ ее ударомъ (шлети?) и съ тѣхъ поръ осталася „рубецъ“ поперекъ всей рѣки.

Передается о смерти Петра, что, будучи необыкновенно одареннымъ и сильнымъ, а въ то же время и слишкомъ самоувѣреннымъ, онъ разъ похвалился, что на конѣ своемъ перескочитъ черезъ какую-то широкую рѣку, но что, какъ бы въ наказаніе за похвальбу, онъ тутъ на конѣ и окаменѣлъ въ то самое время, когда конь передними ногами отдѣлился уже для скачка отъ земли.

Какъ на сказаніе о „стѣжѣ“ рѣки, такъ и объ окаменѣніи Петра, могли, разумѣется, повліять книжныя свѣдѣнія о Ксерксѣ Великомъ съ одной стороны, съ другой—о памятникѣ Петра Великаго въ Петербургѣ; о послѣднемъ и рассказы очевидцевъ.

1308451

Здѣсь немалюно упоминается мнѣ очень распространенная въ Кокшенинѣ легенда о Ломоносовѣ, къ созданію которой подалъ поводъ, вѣроятно памятникъ Ломоносова въ Архангельскѣ. Этотъ памятникъ жители Кокшевыги знаютъ отъ очевидцевъ. Ломоносовъ изображенъ съ ливромъ въ рукахъ и смотрящій какъ бы въ небо: рассказывается въ легендѣ, что Ломоносовъ былъ настолько внающій человекъ, что вотъ разъ, когда угрожала надвигавшаяся грозовая туча, онъ взялъ вилы и этими вилами тучу-то и отвелъ. Дѣйствительными заслуги перваго русскаго ученаго въ области изученія электричества вообще и грозового въ частности въ этой легендѣ, мнѣ кажется, выражены довольно красиво и, пожалуй, удачно.

О нашествіи французовъ и атаманъ Платовъ имѣются, хотя и отрывочныя, но широко распространенныя смѣдвія и даже поется пѣсня: „О французъ и Атаманъ Платовъ“. Весьма распространенъ эпизодъ о томъ, что Французъ (Наполеонъ) усердно разыскивалъ Платова и хотѣлъ его во что бы то ни стало поймать. А Платовъ, побывавши въ гостяхъ у Наполеона, уходя называлъ себя и говорить ему: „эхъ, ты, ворона, ты ворона! Гдѣ тебѣ поймать меня!“ И исчезъ.

Изъ рассказовъ о болѣе позднихъ историческихъ событіяхъ упомяну о любопытной защитѣ Соловецкаго монастыря и Бѣлаго моря въ Крымскую войну отъ „агличанки“, которая сюда подступала на своихъ корабляхъ. „Когда агличанка стала палить по маластырю, то, видно по молитвѣ св. угодниковъ, Изосими-Саватья, подплыли со всѣхъ острововъ чайки (чайки) и начали на нихъ д. . . в (засыпать ихъ своимъ пометомъ). Не вынесла этого агличанка и повернула назадъ, домой“.

Въ ряду историческихъ именъ я намѣренно пропустилъ имя Шемяки, довольно часто упоминаемое здѣсь, но, повидимому, безъ всякой непосредственной связи съ галицкимъ княземъ. Шемяка фигурируетъ въ одномъ рассказѣ, только, какъ неправедный судья.

Этотъ распространенный, вѣроятно, всюду рассказъ въ мѣстной передачѣ имѣетъ такую примѣрно, форму (привожу въ передачѣ Вл. М. Попова): „Это былъ такой смѣшной (и жадный) судья: все выетки надо: Ну и судились двое. Одинъ-то уже далъ, а другому дать нечего—бѣденъ. Ну тотъ (т. е. бѣднякъ) и догадался: взялъ въ руку камень, зажалъ въ горсть да и говоритъ: „судья, суди, да на меня гляди!“ Шемяка и разсудилъ по послѣднему. Вышелъ (потомъ) изъ-за стола, отозвалъ мужика и попросилъ, что въ горсть-то (тотъ) зажалъ. А тотъ и показалъ камень“...

На этомъ я и долженъ пока закончить кокшенинскія преданія.

М. Едемскій.